

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЧЕРНОЗЕМЬЕ В БИОГРАФИИ И ИССЛЕДОВАНИЯХ МАРИИ ЕВГЕНЬЕВНЫ ФОСС

© 2019

Акиньшин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Российская Федерация)

Бессуднов Александр Николаевич, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории

*Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(г. Липецк, Российская Федерация)*

Захарова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира
Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье анализируется исследовательская деятельность Марии Евгеньевны Фосс на территории Центрально-Чернозёмного региона. Учитывая, что Воронеж сыграл в судьбе М.Е. Фосс определяющую роль (здесь она училась, сформировалась как личность, приобрела первый опыт археологических исследований, музейной работы, собрала обширный банк данных о коллекциях с памятников губернии, к которым впоследствии неоднократно обращалась и сама, и такие известные археологи как Т.Б. Попова, О.А. Кривцова-Гракова, В.П. Левенок, Н.Н. Гурина, А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк и другие), отдельное внимание уделено сведениям биографического характера, отражающим связь семьи Фоссов с воронежской землёй (впервые публикуются результаты анализа документов из фондов ГАВО с дополнениями Маргариты Фосс – племянницы Марии Евгеньевны). Не оспаривая утвердившегося в современном неолитоведении мнения о том, что у М.Е. Фосс в качестве приоритетных были памятники и культуры лесной зоны, на основании архивных источников (из фондов НА ИА РАН, РО НА ИИМК РАН, ОПИ ГИМ, Мичуринского краеведческого музея (Тамбовская область)) и специальной литературы доказано, что ее вклад в изучение древностей лесостепи значительно больший, чем это представляется современному археологическому сообществу. До настоящего времени не утратили своего значения результаты её исследований на Шелаевских днах в Поосколье (современная Белгородская область), на разновременных памятниках Воронежской (могильник «Частые курганы», Отрожкинская стоянка, поселение Костёнки IV – Александровка) и Тамбовской (стоянки Подзорново, Глинище) областей.

Ключевые слова: Воронежский университет; Воронежское отделение МАИ; восточноевропейская лесостепь; история археологии; могильник «Частые курганы»; неолит; Фосс Мария Евгеньевна; Отрожкинская стоянка; Подзорновская стоянка; поселение Костёнки IV – Александровка; стоянка Глинище; Центральное Черноземье; Шелаевские стоянки; эпоха бронзы.

В современном неолитоведении прочно утвердилось мнение, что у Марии Евгеньевны Фосс в качестве приоритетных были памятники и культуры лесной зоны Восточной Европы. Не оспаривая данного тезиса, хотим познакомить читателей с результатами своего исследования, показывающего, что её вклад в изучение древностей лесостепи значительно больший как по количеству исследованных памятников, так и по связанным с ними теоретическим разработкам, чем это представляется современному археологическому сообществу. Из всего объёма выявленных источников по указанной проблематике мы умышленно использовали только те, которые имеют отношение к территории Центрального Черноземья. Наряду со специальной литературой при подготовке статьи проанализированы неопубликованные материалы из фондов ГАВО, НА ИА РАН, РО НА ИИМК РАН, ОПИ ГИМ, Мичуринского краеведческого музея (Тамбовская область). За помощь в организации архивных изысканий благодарим сотрудников ГИМа Е.А. Кашину, М.М. Якушкину; ИА РАН – С.А. Володина; ИИМК РАН – А.А. Бессуднова, М.В. Медведеву, Н.А. Белову; директора и главного хранителя Мичуринского краеведческого музея (Тамбовская область) – О.В. Сазонова и И.В. Матушкину, соответственно. Дополнительные сведения биографического характера были сообщены племянницей Марии Евгеньевны – Маргаритой Александровной Фосс. Она же любезно передала для публикации фото из семейного архива (рис. 1).

Рисунок 1 – Мария Евгеньевна Фосс. 1915 г. Из семейного архива Маргариты Александровны Фосс

В биографии Марии Евгеньевны Фосс можно выделить, условно, три периода: раннее детство прошло в Гродненской губернии, где служил ее отец, с начала 1909 г. до середины 1922 г. она жила в Воронеже, последующие годы – в Москве (исключая эвакуацию в 1941–1942 гг.).

Отец, Евгений Николаевич Фосс, родился 22 февраля 1867 г. в Уфимской губернии, учился на юридическом факультете Казанского университета. В ночь с 4 на 5 декабря 1887 г. участвовал в студенческой сходке протеста против разгона демонстрации в Петербурге, у стен Казанского собора. Был арестован и помещён в пересыльную тюрьму, где оказался в одной камере со студентом-первокурсником Владимиром Ульяновым. 6 декабря 1887 г. в числе 39 студентов Ульянова и Фосса исключили из университета. Евгения Николаевича выслали под надзор полиции в Уфу, затем разрешили продолжить образование в Ярославском Демидовском лицее. Он окончил лицей в 1893 г. со степенью кандидата права [1]. От революционной деятельности отошёл, 1 января 1894 г. поступил на службу чиновником Уфимско-Оренбургского акцизного управления. Пять лет спустя переведён в Гродненское акцизное управление, в 1901 г. – в Терско-Дагестанское, и, наконец, 31 декабря 1908 г. был назначен старшим ревизором Воронежского акцизного управления [2, л. 1]. На этой должности он прослужил до революции, получив чин статского советника (по военной линии – полковник). Был не чужд общественной жилки, весной 1917 г. даже баллотировался в гласные городской думы, но безрезультатно [3]. Семья жила в доме № 3 по Петровскому спуску (ныне ул. Степана Разина, д. 51).

После революции Е.Н. Фосс продолжал службу в финансовом управлении, затем в правлении ЮВЖД. В январские дни 1924 г. опубликовал в «Воронежской коммуне» воспоминания о своей давней встрече с Лениным. В 1925 г. вместе с семьёй переехал в Москву, там работал в правлении Госстраха, затем в Наркомате финансов. По ходатайству Н.К. Крупской ему была назначена персональная пенсия [1]. Однако после смерти Крупской он был выслан из Москвы в Тулу, где в 1938 г. арестован по обвинению в контрреволюционной агитации и приговорён к высшей мере наказания. Расстрелять «не успели»: умер в тюрьме своей смертью [4, с. 214].

Евгений Николаевич был женат на Ксении Антоновне, урождённой Ершовой (24.01.1877 – между 1943 и 1946). В семье было пятеро детей: Николай (28.01.1896–1957), Владимир (15.08.1898–19.04.1922), Мария (19.09.1899–09.09.1955), Александр (13.10.1901–06.07.1983) и Екатерина (09.11.1903–22.11.1991).

Николай Евгеньевич уже в 1916 г. стал дипломированным врачом-дерматовенерологом, получив образование на медицинском факультете Московского университета. С 1918 г. служил в Красной Армии, в 1921 г. он заведовал военно-санитарным подотделом Губернского отдела здравоохранения, был женат и имел сына, названного в честь деда Евгением [5, л. 316; 6, л. 230]. В дальнейшем переехал в Москву, в 1930-е гг. издал несколько книг медико-профилактической тематики, работал в Московском областном отделе здравоохранения, в конце жизни был заместителем директора Научно-исследовательского клинического института. Собирал документы по истории семьи Фоссов. На современных аукционах представлено несколько детских книг и альбомов по ис-

кусству с владельческой надписью «Из собрания Николая Евгеньевича Фосс».

Владимир Фосс окончил классическую гимназию и в 1918 г. поступил на математическое отделение физико-математического факультета ВГУ, в 1920 г. перешёл на медицинский факультет. Душевная депрессия привела его к самоубийству, его документы из университета забрала сестра Екатерина [7].

Александр Евгеньевич учился в Воронежском практическом институте, окончил Московское высшее техническое училище, стал инженером, в 1925 г. работал мастером механической токарной мастерской индустриального техникума. Потом был инженером на производстве, в том числе на авиационном заводе, много лет преподавал в Воронежском авиационном техникуме [8].

Самой младшей в семье была Екатерина. В 1920–1924 гг. с перерывами она училась на физико-математическом факультете ВГУ, одновременно работала в железнодорожном ведомстве [9]. Затем вместе с родителями переехала в Москву, в 1941 г. с матерью и сестрой эвакуировалась в Уфу, где жили братья отца. Владея многими иностранными языками, работала переводчицей в Государственной научно-технической библиотеке [10, л. 8 об.]. У неё был сын, Воля Леонидович Фосс (22.06.1930–02.02.2012), который во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. активно участвовал в работе экспедиций под руководством М.Е. Фосс, затем стал кандидатом химических наук и преподавал в МГУ.

На воронежский период приходится учёба Марии Евгеньевны в Мариинской гимназии и первые годы студенчества, во время которых определился круг её интересов. Закончив восемь классов женской гимназии в 1916 г., затем, по понятным причинам, на несколько лет она вынуждена была прервать образование. С августа 1920 г. работала в губернском музее младшим научным сотрудником в отделе первобытных древностей вместе с Сергеем Николаевичем Замятниным [10, л. 2 об., 6].

В 1920 г. М. Фосс поступила на историческое отделение факультета общественных наук Воронежского университета, которое уже через год было реорганизовано в общественно-педагогическое [11]. Такое преобразование вряд ли соответствовало формирующимся приоритетам будущего учёного, однако учёбу в университете она не оставила. Рассматривая в качестве возможной альтернативы открывшийся в Воронеже филиал Московского археологического института, М.Е. Фосс подаёт заявление на его археологическое отделение и 21 июня 1921 г. зачисляется слушательницей [12]. К сожалению, в июне 1922 г. это отделение было закрыто вместе с головным учреждением и другими провинциальными филиалами.

В сложившейся ситуации Мария Евгеньевна принимает решение о переезде в Москву для продолжения образования, куда и уехала летом 1922 г. Семья последовала за ней только через три года. Как следует из опубликованной выдержки черновика автобиографии она «перевелась в I Московский университет на археологическое отделение факультета общественных наук» [13, с. 771]. Не можем обойти вниманием и тот факт, что в начале 1920-х гг. М.Е. Фосс параллельно обучалась в Воронежской консерватории (именно так в 1918–1922 гг. называлось музыкальное училище).

С воронежской землёй связаны первые полевые археологические опыты Марии Евгеньевны. Будучи уже студенткой Московского университета, летом 1924 г. она вместе с сотрудником Воронежского музея Д.Д. Леоновым проводит сборы подъёмного материала на верхнепалеолитических стоянках Костёнки I и Борщёво II [14, с. 208] и совместно с ним исследует одно погребение скифо-сарматской эпохи на могильнике «Частые курганы». Опубликованная информация об этих раскопках очень лаконична: «Оно [погребение] оказалось разграбленным в древности и дало лишь фрагменты греческого глиняного сосуда, обломки дерева и костей лошади» [15, с. 46–47]. Развёрнутое описание осуществлённых работ содержится в «Дневнике раскопок на урочище «Частые курганы» б[лиз] Подгорного Ворон[ежской] губ[ернии]», сохранившемся в архиве М.Е. Фосс в ОПИ ГИМ [16, л. 45, 45 об., 45а]. Согласно этому документу, раскопки были проведены 17 августа 1924 г. Им предшествовало обследование территории могильника, по итогам которого составлен глазомерный план-схема [16, л. 63]. Для раскопок выбрали подвергавшийся распашке курган с порядковым номером «14». После измерения его внешних параметров на вершине был разбит квадрат 11 × 11 аршин, в пределах которого насыпь вскрывалась послойно («колодец») до достижения «нетронутого материка (слоёв песка и глины)». В процессе выборки грунта была зафиксирована могильная яма овальной формы, ориентированная длинной осью с юго-запада на северо-восток. Захоронение оказалось практически полностью разграбленным. Хотим обратить внимание и на факт наличия в архиве М.Е. Фосс подробного описания работ членов ВУАК на этом памятнике в предшествующие годы, а также прорисовок происходящих отсюда вещей, хранящихся в фондах Воронежского музея [16, л. 47–62].

Указанные выше памятники к середине 1920-х годов уже были хорошо известны специалистам и являлись своего рода визитными карточками двух далеко отстоящих друг от друга археологических эпох. Таким образом, очевидно, что исследовательский интерес, связанный с эпохой неолита, у Марии Евгеньевны ещё не определился. В подтверждение данного суждения укажем, что Д.Д. Леоновым тогда же «на неолитических стоянках у с. Шелаева... были собраны для музея коллекции кремнёвых орудий и остатков глиняной посуды» [15, с. 46], но М.Е. Фосс не приняла участия в этой поездке. Примечательно, что по прошествии одиннадцати лет, в 1935 году, она уже в качестве руководителя экспедиции ГИМ, избрав Донецкий бассейн «для обследования и раскопок неолитических стоянок в целях получения материалов по южному неолиту, отсутствующих в экспозиции ГИМ», намечает в качестве первоочередного как раз «район, пограничный с УССР, б[ывший] Валуйский, теперь Уразовский, по среднему течению р. Оскола» [17, л. 1]. Такой выбор основывался на знании истории изучения этой территории и материалов, хранившихся в Воронежском губернском музее.

Самое раннее из известных упоминаний о факте выявления большого числа кремней в районе г. Валуйки относится к 1864 г. [18]. Возобновление интереса, непосредственно связанного с древностями окрестностей с. Шалаево (в настоящее время так называется только рядом расположенная железнодорожная станция, а село после Октябрьской рево-

люции стало называться Шелаево – авт.), приходится на 1902 г. Впервые о выявленных здесь археологических находках было упомянуто на заседании ВУАК 27.09.1902 г. по получению реферата А.А. Орлова «Стоянка каменного века на р. Осколе, близ с. Шалаево, Валуйского уезда», но его слушание «за поздним временем» было отложено до следующего заседания [19, с. XV].

Это сообщение было прочитано в комиссии 14.10.1902 г., после чего принято следующее постановление: «в видах охранения стоянки, сообщить копию с этого доклада в Валуйскую Уездную Земскую Управу. Кроме того обратиться к местному уездному исправнику, прося его содействия к охране этой местности. Доклад А.А. Орлова напечатать в Трудах Комиссии, с выражением благодарности автору за его труды» [19, с. XVIII]. Во втором выпуске «Трудов ВУАК» действительно помещена информация об этом памятнике [20, с. 143–146]. Кроме того, в отчёте о деятельности ВУАК за 1902 г. читаем: «В ряду местностей, обративших на себя особенное внимание Комиссии, кроме Маяцкого городища, замечательны окрестности села Шалаева, Валуйского у[езда], близ р. Оскола. Здесь обнаружена стоянка каменного века. Членом Комиссии А.А. Орловым, открывшим эту стоянку, представлено в Комиссию краткое сообщение по этому поводу. В этой местности р. Оскол прорезывает на пространстве до 1 версты по течению пласт песчаных отложений, имеющих все характерные особенности дна с подвижностью песков и довольно высокими холмами. Дюны усеяны осколками кремней и черепками битой посуды (из необожжённой глины), сделанной без гончарного круга» [19, с. XXXV]. А.А. Орлов «препроводил г. правителю дел Воронежской учёной архивной комиссии о. Стефану Звереву» коллекцию древностей, собранную в указанной выше местности [20, с. 143]. Помимо керамики в ней были представлены «кремнёвые наконечники копий, большие ножи, оббитые по краям, наконечники стрел, мелкие ножички и скребки» [21, с. 8]. О значимости выявленной коллекции свидетельствует и тот факт, что информация о ней была оформлена в виде доклада на XIII Археологический съезд [22, с. 106–109]. Находчик, прекрасно понимая важность шелаевских древностей, и, адекватно оценивая собственный научный потенциал, с надеждой писал, что «требуется скорейшее и более подробное изучение этого становища лицами более компетентными, чем пишущий эти строки» [20, с. 146]. На его призыв откликнулись спустя два десятилетия молодые сотрудники воронежского музея (в начале 1920-х гг. помимо Д.Д. Леонова разведку провёл и С.Н. Замятин [21, с. 8]), вновь пополнившие коллекцию подъёмным материалом. Однако раскопок здесь к середине 1930-х гг. ещё не проводилось.

Накануне выезда в поле, 2–3 сентября 1935 г., Мария Евгеньевна получила в Воронеже от Д.Д. Леонова обнадеживающие сведения о степени сохранности этих памятников [23, л. 110], которые на следующий день при встрече в Валуйках подтвердил местный краевед Г.Ф. Денисенко, познакомивший исследовательницу и со своей коллекцией древностей, включая сборы со стоянок у сс. Шелаево, Новосимоновка (Новая Симоновка – авт.), Монастырская (Монастырка – авт.) [23, л. 106 об.].

В общей сложности полевые работы в Уразовском районе продолжались в течение месяца. Их ре-

зультаты нашли отражение в отчёте, идентичные экземпляры которого отложились в РО НА ИИМК РАН [17] и ОПИ ГИМ [23, л. 177–179 об.], и были опубликованы [24].

За это время были обследованы окрестности сёл Шелаева, Знаменского, Храпова и Пристена (*современное название Пристень – авт.*), и во многих пунктах обнаружены следы стоянок с кремнёвой индустрией... У селений Шелаева и Храпова – на песках надлуговой террасы; у с. Знаменского – на меловой возвышенности, на большой высоте, приблизительно около 80 метров над современным уровнем реки Оскола» [17, л. 1]. Мы полагаем, что последний из названных памятников был повторно обследован в 1958 г. П.И. Борисковским, проводившем по поручению ИИМК АН СССР в среднем течении р. Оскол разведку с целью поиска источников кремнёвого сырья для Костёнковско-Борщёвского палеолитического района. Исследователь конкретно не соотносит ни один из обследуемых пунктов с ранее выявленными, хотя при этом указывает, что «в 1935 г. примерно здесь же, к югу от Валук, проводила археологические работы М.Е. Фосс» [25, с. 104; 26, с. 166–182].

В середине 1930-х гг. исследовательница констатировала продолжающееся ухудшение состояния памятников. «Стоянки на песках в значительной своей части разрушены ветром и водой. Повсюду виднеются котловины выдувания, на дне которых попадают выпавшие из культурного слоя кремнёвые осколки, орудия, фрагменты керамики и мелкие обломки костей. Во многих местах, где балласт невелик, культурный слой перекопан во время посадки вербы, производившейся с целью укрепления песчаной поверхности. Так, например, погублен памятник с разнообразными наслоениями на правом берегу р. Оскола против с. Шелаева, где обнаружены остатки стоянки с кремнёвой индустрией, перемешанные с керамикой салтовской культуры» [17, л. 1]. Выбор места раскопок определялся необходимостью исследования разрушающегося культурного слоя. Таким образом, под руководством двух археологов (М.Е. Фосс и А.К. Тахтай) силами наёмных рабочих (их численность в разные дни варьировалась от 12 до 21 чел.) были частично раскопаны стоянки Шелаево I и Шелаево II (соответственно, 256 и 72 м²). Судя по описи в научном отчёте, всего было сдано в фонды ГИМа 1257 предметов, не считая костей животных и осколков кремня [17, л. 8], где коллекция и в настоящее время хранится под № 77978.

Отзыв к научному полевому отчёту М.Е. Фосс был составлен П.П. Ефименко, в котором указано, что отчёт «производит хорошее впечатление. Из текста отчёта и приложенных к нему планов, чертежей и фотоснимков можно видеть, что применённая ей (*видимо, ею, – авт.*) методика раскопок носит вполне научный характер... Вместе с тем, результаты работ показывают, что М.Е. Фосс вполне удалось разобраться в сущности в совершенно новых для неё памятниках, поскольку её прежние работы были связаны с севером» [17, л. 9, 9 об., 10]. Мы полагаем, что такой вывод Петра Петровича в немалой степени и повлиял на формирование у археологического сообщества несоответствующего действительности убеждения в том, что памятники лесостепной зоны являлись для М.Е. Фосс «совершенно новыми», «поскольку прежние работы были связаны с севером».

Результаты исследований в Шелаево сразу же привлекли внимание и до сих пор остаются востре-

бованными специалистами. Примечателен в этой связи факт наличия в архиве Г.В. Подгаецкого конспекта указанной статьи, составленного практически одновременно с её выходом, при работе над диссертационным исследованием по эпохе бронзы на Среднем Дону [27, л. 4, 6–10]. Материалы с Шелаево-I и Шелаево-II подвергла анализу и Т.Б. Попова при выделении в середине 1950-х гг. харьковско-воронежского варианта катакомбной культуры. Первую из стоянок она соотнесла с более поздней стадией катакомбной культуры, на что, по её мнению, указывали «как сосуды с зачипами по краю, так и с валиками, а также сравнительное небольшое количество (80 экз.) кремнёвых орудий, найденных на площади стоянки». А вторую считала весьма ранней, поскольку в ее коллекции содержится «много кремня при полном отсутствии керамики с налепными валиками при наличии симметричного орнамента, нанесённого вдавлениями, зубчатым штампом и верёвочкой» [28; 29].

В 1967 г. А.Д. Пряхин и А.Т. Синюк совместно с участником работ М.Е. Фосс краеведом Г.Ф. Денисенко обследовали в черте и окрестностях г. Валуйки древние стоянки, в том числе семь у с. Шелаево, включая и уже изучавшиеся в 1935 г. Ими были «собраны дополнительные коллекции с известных поселений Шелаево I и Шелаево II. На первой из них, кроме отмеченных М.Е. Фосс материалов катакомбной культуры, выявлена керамика поздней бронзы и раннего железного века» [30, л. 45, рис. LXX]. По итогам этой поездки двумя годами позже была подготовлена достаточно подробная публикация [31, с. 147–168].

В 1970-е гг. в Поосколье работала экспедиция ЛО ИА АН СССР под руководством Л.Я. Крижевской. При изучении дюнных стоянок у с. Храпово на правом берегу р. Оскола, почти напротив Шелаевских, исследовательница отметила, что выявленные на этих памятниках материалы несопоставимы «ни по каким признакам» [32, с. 92]. Вместе с тем, в непосредственной близости от них, валуйским краеведом М.И. Карагодиным в 1972 г. был доисследован разрушенный карьером курган «Кубаева могила», в котором обнаружены и артефакты, аналогичные материалам катакомбной культуры с поселения Шелаево II [33, с. 232].

В 1986 г. одним из авторов данной статьи в ходе разведки по р. Оскол было вновь проведено обследование I и II Шелаевских поселений, результаты которого оказались удручающими. «В настоящее время все поселения уничтожены полностью карьером и интенсивным строительством различных помещений для нужд колхоза» [34, л. 54].

Изучением в довоенный период памятников Поосколья не исчерпывается интерес М.Е. Фосс к археологии лесостепи, в целом, и Центрального Черноземья, в частности. В начале 1950-х годов она вновь обратилась к этой проблематике, возглавив Лесостепную экспедицию ИИМК АН СССР (1951–1954 гг.) «с целью выяснить сложный вопрос о синхронизации археологических культур эпохи неолита и бронзы» [35, с. 17]. Более детально обоснованы задачи и план деятельности образованной экспедиции в отчёте за её первый полевой сезон. «Лесостепная полоса европейской части СССР представляет наиболее интересную область для исследования культур эпохи неолита и бронзы. Именно здесь, на территории, занимающей промежуточное положение

между лесом и степью, может быть разрешена проблема соотношения лесных и степных культур. В связи с этим определяется и задача обследования лесостепной полосы, началом которой является экспедиция 1951 г. Незначительные сведения о находках эпохи неолита на этой территории ограничиваются отдельными пунктами в Пензенской, Тамбовской, Воронежской и Курской областях. Наиболее интересной областью начала работ представляется Пензенская область, являющаяся окраиной распространения неолитических культур окского типа» [36, л. 1]. С незначительными редакторскими правками этот текст вошёл в посмертную публикацию М.Е. Фосс [37, с. 4].

Продолжая в 1952 г. раскопки в Пензенской области, она одновременно готовилась к полевым исследованиям в Тамбовской и Воронежской областях. Выбору места раскопок на территории Тамбовской области предшествовало изучение Марией Евгеньевной в Ленинградском архиве ИИМК отчётов директора Моршанского музея П.П. Иванова довоенного времени [38, л. 81] и хранящейся в фондах ГИМ коллекции Н.Н. Дёмина 1920-х гг. [38, л. 15–25, 71–79], а также сбор сведений о случайных находках [38, л. 80, 82; 39, л. 47]. В результате проделанной работы у исследовательницы сформировался список мест в тамбовском крае, из которых имелись артефакты эпох неолита-бронзы: в Мичуринском (бывший Козловский уезд) районе (по р. Воронеж) – сборы вблизи сс. Гремущки, Стаево (дер. Красниково), Старое Тарбеево, Устье; в Моршанском (по р. Цна) – у г. Моршанска, Прошинского монастыря, сс. Алжуки, Борки; в Дегтянском и Сосновском (бывший Тамбовский уезд) районах (по р. Челновая) – у сс. Средняя Дегтянка, Челнаво-Дмитриевское; в Шацком и Сасовском (бывший Шацкий уезд Тамбовской губернии) районах Рязанской области (по р. Цна) – у сс. Тюрино, Ново-Берёзово.

Следующим шагом стало командирование «по заданию ГИМ» в 1952 г. в Мичуринский район В.Л. Фосса, который «произвёл археологические разведки, со сбором археологического материала, близ с. Старое Тарбеево, установив наличие культурного слоя в отмеченных ранее пунктах» [35, с. 17].

В архиве М.Е. Фосс отложился блокнот небольшого формата и отдельные листы из него [38, л. 7–13а, 21–25, 82], в котором содержится как само задание, написанное рукой Марии Евгеньевны, так и некоторые результаты его выполнения (заметки и зарисовки, полагаем, сделаны Волей Леонидовичем). На первой из сохранившихся страниц записаны три основных пункта предстоящей разведки, откуда имелись находки в коллекции Н.Н. Дёмина: близ сс. Устье, Старое Тарбеево, Красниково (Стаево) [38, л. 7]. Та же информация повторена ещё на одной, вырванной, странице [38, л. 25]. На следующих двух страницах изложены сопутствующие поручения: «В Мичуринском музее: ознакомиться с коллекциями по неолиту, записать места находок неолитических предметов (керамики с ямочно-гребенчатый орнаментом и каменных орудий). Расспросить о Н.Н. Дёмине (в музее и в сёлах у стариков). Переговорить с Анат[олием] Вас[ильевичем] Парамоновым (*директор Мичуринского музея – авт.*) или с научн[ым] сотр[удником] музея об организации рабочей силы из учащихся педтехникума и других учебных заведений на август-сентябрь, с оплатой 15 руб. в день. То же – в сельсоветах при разведках. В сёлах узнать

об устройстве жилья для экспедиции (м.б. есть школа?)» [38, л. 8–9]. Далее на шести страницах сохранились заметки, отражающие посещения Мичуринска и его окрестностей [38, л. 11–14 об.], в том числе две карты-схемы с нанесением мест находок вблизи указанных выше населённых пунктов, одна из которых датирована 6 мая 1952 г.; почтовый адрес Мичуринского музея, А.В. Парамонова, художников-краеведов Кирпичёвых, Ю. Авдошина (9 кл., ходил осматривать валы с Кошелевым); информация о посещении Мичуринска «в прошлом году Кошелева (с истфаком) из Воронежа для осмотра валов у с. Устье» (*Кошелев Василий Иванович (1888–1962) – кандидат исторических наук, доцент ВГПИ, ВГУ – авт.*).

Активная позиция местных краеведов, прежде всего в лице супругов Анатолия Васильевича Парамонова и Наталии Фёдоровны Соколовой, Александра Александровича Кирпичёва и Елизаветы Ивановны Иноземцевой, надо полагать, окончательно склонила чашу весов в пользу Мичуринска как будущего места работ экспедиции. Как следует из отчёта, архивных документов и публикации, все они в 1953 г. были активными её участниками, в том числе и повзрослевший Ю.П. Авдошин, выполнявший функции фотографа.

Параллельно с изучением тамбовских материалов Мария Евгеньевна Фосс вновь вернулась к воронежским коллекциям, о которых знала не понаслышке с молодости (попутно заметим, что достаточно солидный корпус прорисовок вещей самых разных эпох из Воронежского музея и пояснительных записей к ним отложился в её архиве). Но в начале 1950-х годов она уже целенаправленно изучает находки эпох неолита-бронзы с бытовых памятников на территории Воронежской области как из фондов Воронежского краеведческого музея [16, л. 2–4, 6а], так и Музея антропологии и этнографии [16, л. 6–6 об., 9–19, 29–37], предприняв командировку в Ленинград в декабре 1952 г. Ею были также учтены сборы А.А. Формозова 1953 г. в Костёнках [16, л. 7–8]. После проработки соответствующих отчётов и публикаций (С.Н. Замятин, П.П. Ефименко, В.И. Равдоникас, Г.В. Подгаецкий, А.Н. Рогачёв), с учётом уже высказывавшейся О.А. Кривцовой-Граковой на заседаниях сектора первобытной археологии ИИМК АН СССР оценки древностей эпохи бронзы в бассейне р. Дон [40, л. 26–28, 30 об., 35], определились приоритетные памятники воронежского края. Ими стали локализуемые на территории Костёнковско-Борщёвского микрорайона поселения Костёнки IV – Александровка и Левобережное Костёнковское на р. Дон, а также стоянка у железнодорожной станции Отрожка в непосредственной близости от г. Воронежа на р. Воронеж.

В Тамбовской области экспедиция под руководством М.Е. Фосс работала в полевой сезон 1953 г., в Воронежской – в 1954 г.

Результаты исследований 1953 г. известны специалистам по соответствующему отчёту [41] и посмертной публикации на его основе [35, с. 17–25]. Напомним, что под руководством М.Е. Фосс были проведены раскопки близ с. Старое Тарбеево. В местности Подзорново изучено поселение эпох неолита-бронзы (вскрыто более 200 м²), в местности Глинище – неолитическая стоянка (вскрыто около 25 м²); попутно обследованы расположенные неподалёку два селища XII–XIII вв.

Оценивая значение этих работ по прошествии более чем шести десятилетий, мы можем утверждать,

что они не только по праву вошли в число значимых событий истории археологического изучения тамбовского края [42, с. 18, 19, 27; 43, с. 12–13; 44, с. 24], но и задали сразу несколько направлений дальнейшего исследовательского поиска. Полученные материалы являются неотъемлемой частью источниковой базы в трудах и по проблематике неолитического периода [45, с. 10–11; 46, с. 18; 47, с. 71; 48, с. 47–52, 152; 49, с. 29; 50, с. 323; 51, с. 55–56], и по бронзовому веку [52, с. 138–139, 147, 150–151; 53, с. 74–75]. Отметим, что продолжена их публикация [54, с. 131–133]. Специалисты, изучающие неолит, дважды предпринимали повторное обследование Подзоровской стоянки, обусловленное её разрушением [55; 56]. В 1965 г. В.П. Левенок провёл и раскопки в этом урочище, основные результаты которых опубликованы [57]. Наличие памятников различных эпох в этой местности стимулировало продолжение здесь полевых исследований, которые проводятся и поныне [58–61]. В окрестностях села Старое Тарбеево к настоящему времени выявлено восемь разновременных бытовых памятников. С сожалением приходится констатировать, что исключение из их названий с 1999 г. первоначальной привязки к урочищам (Подзорово, Глинище) существенно осложнило сопоставительный анализ отчётной документации.

Хотим также обратить внимание, что работа экспедиции под руководством М.Е. Фосс в Мичуринском районе имела большое просветительское значение. Как мы уже писали выше, краеведы приняли в ней непосредственное участие, и своё впечатление об археологических исследованиях А.В. Парамонов изложил в областной газете «Тамбовская правда» [62]. Согласно записям М.Е. Фосс, «на месте раскопок побывали экскурсии учащихся, которым давались объяснения» [63, л. 34]. Она также отметила, что «в музее положено начало организации археологического отдела, до этого отсутствовавшего» [63, л. 34]. Последнее утверждение может быть детализировано благодаря сохранившимся письмам уже упоминавшейся сотрудницы музея, участницы экспедиции Н.Ф. Соколовой. «Уважаемая Мария Евгеньевна! Большое спасибо за фотоснимки неолитической посуды, которые мы вчера получили» (письмо от 15.10.1953) [39, л. 70]. «Уважаемая Мария Евгеньевна! Большое, большое спасибо за оказанную Вами помощь нашему Мичуринскому музею. Муляжи получены в целостности и сохранности. Спасибо и за открыточку, в которой Вы сообщили очень интересную для меня вещь, что найденные черепки принадлежат славянам 12 и 13 века. Ведь многие историки предполагали, что в это время в нашем крае жили мордва и мещера. Материал о неолитических стоянках уже оформлен и находится в экспозиции. Я очень рада, что из наших мизерных средств нам удалось в этом [году] оформить интересный материал о Вашей экспедиции. С большим интересом наш маленький стенд просматривают экскурсии школьников и одиночные посетители... Уважаемая Мария Евгеньевна, ещё маленькая прелесть: изучены ли кости животных с Ваших раскопок, есть ли среди них кости домашних животных? Можете ли Вы нам выделить несколько косточек наиболее интересных животных? У нас есть свободное место в экспозиции» (письмо от 01.12.1953) [39, л. 67–69].

Впечатление местной общественности от знакомства с М.Е. Фосс было настолько сильным, что комсо-

мольцы даже задумали посвящённый ей «коллективный труд: Археологи мира (Но не войны!)», о чём в письме сообщил активист Дм. Колесов [39, л. 48–50].

Полевые работы, проведённые М.Е. Фосс в Воронежской области в 1954 г., оказались для неё последними. Из указателя экспедиций ГАИМК и ИА АН СССР мы узнаём, что «близ железнодорожной станции Отрожка на дюнах собран материал эпохи бронзы и раннего железного века; заложен разведочный раскоп на стоянке эпохи поздней бронзы у с. Александровка бывшего Гремяченского района; раскопан деревянный чёлн у с. Щучье Лискинского района» [64, с. 182, № 475]. Таким образом, были проведены работы в соответствии с намеченным планом, а также мероприятия спасательного характера, связанные с обнаружением древней лодки. Сюжет, посвящённый обретению и характеристике чёлна, ныне выставленного в экспозиции ГИМа, уже получил всестороннее освещение в специальной литературе, к которой мы и отсылаем читателя [65, с. 97; 66, с. 81–89; 67, с. 184; 68, с. 76–82].

Здесь же считаем уместным представить выявленную нами информацию о результатах плановых исследований в Воронежской области. Как известно, подготовить отчет или публикацию по итогам последнего полевого сезона М.Е. Фосс не успела, но её кропотливая работа в этом направлении документируется черновиками и отрывочными набросками под названиями: «Краткий отчёт...» [63, л. 67–69, 70], «Краткая информация...» [63, л. 71–73]. В этих записях уделено место не только подведению итогов исследований в Брянской области, которые она по праву считала «основными» (раскопано около 1500 м² на бытовых памятниках и вскрыто пять курганов), но и анализу работ в Воронежской области.

«В Воронежской области произведены разведки по р. Инютинке (бассейн р. Воронеж) близ железнодорожной станции Отрожка с осмотром дюнных возвышений, на которых собран керамический материал конца бронзовой эпохи и скифо-сарматской эпохи. Произведены разведочные раскопки близ с. Александровка в Гремяченском районе в бассейне р. Дон, давшие керамику и кремнёвые орудия конца эпохи бронзы» [63, л. 68]. Этот отрывок из архивного документа, надо полагать, и был положен в основу информации для указателя экспедиций, ссылка на который дана нами выше. На основании архивных документов можно уточнить, что работы были проведены в период с 23 по 31 июля 1954 г. [69, л. 6 об.]. Дополнительных сведений о проведённой разведке у ст. Отрожка в архиве М.Е. Фосс не отложилось, а результаты работ в с. Александровка могут быть детализированы.

Согласно её записям под названием «1954 г. Разведки в Воронеж[ской] обл[асти] (около Костенок)», 26–27 июля на усадьбах П.В. Михайлова и И.Е. Гончарова в непосредственной близости от раскопов А.Н. Рогачева (1937, 1938 гг.) заложены раскоп площадью 24 м² и шурф (размеры не указаны авт.). Выбор места был обусловлен тем обстоятельством, что в раскопе предшествующих лет «площадь содержала в верхнем горизонте керамику эпохи бронзы», с которой, как мы уже писали выше, М.Е. Фосс ознакомилась в Воронежском музее.

В ходе работ 1954 г. была получена серия лепной керамики, аналогичной добытой в 1937 г. Она «отличалась толстостенностью и своеобразием орна-

ментов» (гребенчатый штамп, ямчатые вдавления, штриховка), часть её была «с примесью раковины (?) подобно мичуринской», «одна шейка катакомбного типа». «Кости животных принадлежали домашним животным (по-видимому, корове и лошади)». «К редким находкам относились кремнёвые осколки и обломки орудий. Кремль чёрный (меловой), частью патинированный, и коричневатый (в одном случае, может быть, галька?). А.Н. Рогачёв мог бы определить, был ли он связан с палеолитом или с поселением эпохи бронзы» [70, л. 1–3 об.]. Информацию о месте хранения полученных находок выявить не удалось.

В 1955 г. вышла в свет монография А.Н. Рогачёва, посвящённая Костёнкам IV, однако в силу каких-то причин в историографической части её не нашли отражения результаты исследований М.Е. Фосс [71, с. 9–18].

Итак, в Центральном Черноземье Марией Евгеньевной Фосс были проведены четыре полевых сезона (1924, 1935, 1953, 1954 гг.). Её безвременная смерть стала причиной того, что памятники с этой территории не стали базовыми для авторских научных построений, но основную часть материалов она успела проанализировать и ввести в научный оборот.

Одну из немногих попыток дать оценку роли Марии Евгеньевны в выявлении и изучении древностей лесостепной зоны предпринял А.А. Формозов, указав, что она «в 1935 г. решила освоить новый район – лесостепь, проведя раскопки у с. Шелаева на Осколе» [72, с. 217]. Мы же стремились показать, что интерес её к этой географической зоне был намного обширнее и значительнее. По мере появления новых публикаций с опорой на полученные коллекции усиливалась и в целом тяга археологического сообщества к результатам проведённых ею полевых исследований. Хорошее знание лесостепных археологических материалов позволило М.Е. Фосс аргументированно осуществлять сравнительный анализ с комплексами лесной зоны. В качестве подтверждения данного тезиса можно отметить, в частности, неоднократное обращение Марии Евгеньевны в своих публикациях по северу к материалам неолитического поселения у ст. Отрожка на окраине Воронежа [73, с. 169, рис. 89: 1–4; 74, с. 32]. И такие примеры не единичны.

На наш взгляд, отмеченный территориальный и тематический размах исследовательского поиска определяет гораздо более высокую степень значимости М.Е. Фосс в археологическом изучении лесостепи и, в частности, Центрального Черноземья. В данном случае мы можем присоединиться к мнению А.А. Формозова, указавшего, что значение научной деятельности М.Е. Фосс с течением лет «стало яснее» [72, с. 214].

Список литературы:

1. Жирнов П. Вместе с Владимиром Ульяновым // Воронежский университет. 1970. 3 марта.
2. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. Р-10. Оп. 2. Д. 374.
3. Воронежский телеграф. 1917. 22 марта. № 64.
4. Книга памяти жертв политических репрессий в Тульской области 1917–1987 гг.: составлена по документам, собранным Тульским областным добровольным историко-просветительским обществом «Мемориал»: в 5 т. / [сост. и авт. текстов С.Л. Щеглов]. Т. 1. Тула: ИПП «Гриф и К°», 1999. 245 с.

5. ГАВО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 391.
6. ГАВО. Ф. Р-35. Оп. 2. Д. 123.
7. ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 14890.
8. ГАВО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 466.
9. ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 14891.
10. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН (НА ИА РАН). Ф. Р-6. Д. 39.
11. ГАВО. Ф. Р-33. Оп. 3. Д. 971.
12. ГАВО. Ф. Р-2311. Оп. 1. Д. 5.
13. Якушкина М.М. Личный архив М.Е. Фосс в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009) / отв. ред. И.С. Каменецкий, А.Н. Сорокин. М.: Гриф и К°, 2010. С. 770–780.
14. Векилова Е.А. Летопись работ Костёнковской палеолитической экспедиции (1922–1976 гг.) // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы / отв. ред. Н.Д. Праслов. Л.: Наука, 1977. С. 208–215.
15. Краеведческая хроника. 1. Археологические разведки в Воронежской губ. // Воронежский краеведческий сборник / О-во для изучения Воронеж. края. Вып. 2. Воронеж: Тип. губсоюза, 1925. С. 46–47.
16. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 487. Ед. хр. 102.
17. Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК РАН). Ф. 2. 1935 г. Д. 114.
18. Попов П. Описание Уразовской волости Валуйского уезда // Воронежские губернские ведомости. 1864. 24 октября. № 43.
19. Труды ВУАК / под ред. Ст. Зверева. Вып. II. Воронеж: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1904. XVII, 158, 170, LXXVI с.
20. Орлов А.А. Стоянка каменного века на р. Осколе // Труды ВУАК / под ред. Ст. Зверева. Вып. II. Воронеж: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1904. С. 143–146.
21. Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края: Каменный и бронзовый век в Воронежской губ. Воронеж: Тип. 1 отд. Автономного управления, 1922. 16 с.
22. Орлов А. Стоянка каменного века на реке Осколе близ села Шалаева Валуйского уезда Воронежской губернии // Труды Тринадцатого Археологического съезда в Екатеринославе 1905 / под ред. гр. Уваровой. Т. II. М.: Тов-во типографии А.И. Мамонтова, 1908. С. 106–109.
23. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 104.
24. Фосс М.Е. Раскопки на реке Осколе // Труды Государственного Исторического музея. 1941. Вып. XII. С. 71–84.
25. Борисковский П.И. Кремнёвые мастерские в окрестностях Валук на реке Оскол // Краткие сообщения Института археологии. 1961. № 82. С. 104–111.
26. Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. 1963. № 121. 232 с.
27. РО НА ИИМК РАН. Ф. 47. Д. 40.
28. Попова Т.Б. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры // Советская археология. 1955. XXII. С. 21–60.
29. Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры // Труды Государственного Исторического музея. 1955. Вып. 24. 180 с.

30. Пряхин А.Д., Синюк А.Т. Отчет о работах археологической экспедиции Воронежского государственного университета в 1967 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3431.
31. Пряхин А.Д., Синюк А.Т., Денисенко Г.Ф. Шелаевские стоянки на Среднем Осколе // Из истории Воронежского края: Научные труды Воронежского ун-та. Вып. 3. Воронеж: ВГУ, 1969. С. 147–168.
32. Крижевская Л.Я. Храпово 4 – памятник каменного века правобережья р. Оскол // Краткие сообщения Института археологии. 1981. № 165. С. 88–92.
33. Карагодин М.И. Новые находки бронзового века в Шелаево (р. Оскол) // Советская археология. 1977. № 2. С. 229–232.
34. Бессуднов А.Н. Отчет об археологической разведке по р. Палатовка и по р. Оскол в пределах Валуйского района Белгородской области и о раскопках стоянки эпохи мезолита (Колосково IV) у с. Колосково Валуйского района Белгородской области в 1986 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12030.
35. Фосс М.Е. Исследование неолитических стоянок в Мичуринском районе Тамбовской области в 1953 году // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1959. Вып. 75. С. 17–25.
36. Фосс М.Е. Отчет об экспедиции в Пензенскую область в 1951 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 647.
37. Фосс М.Е. Поселения на дюне Озименки // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1959. Вып. 75. С. 4–16.
38. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 110.
39. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 155.
40. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 147.
41. Фосс М.Е. Отчет о работе Лесостепной экспедиции в 1953 г. в Мичуринском районе Тамбовской области // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 828.
42. Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины. Тамбов: Мичуринская городская типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1982. 114 с.
43. Моисеев Н.Б. Археологические исследования в Тамбовском крае. Тамбов: Тамбовский государственный университет, 1999. 54 с.
44. Моисеев Н.Б. Древнейшая история Тамбовского края // История Тамбовского края: избранные страницы: учеб. пособие / под ред. И.В. Двухжиловой, А.А. Слезина. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004. С. 21–44.
45. Левенок В.П. Неолит Верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны Европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1969. 19 с.
46. Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. 1973. № 172. С. 7–21.
47. Синюк А.Т. Неолитические памятники Среднего Дона // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 198: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе (по материалам восточноевропейской лесостепи). Воронеж: ВГПИ, 1978. С. 63–100.
48. Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1986. 180 с.
49. Синюк А.Т. К истории изучения неолита на Верхнем и Среднем Дону // Археология Чернозёмного Центра России: история исследований, историография: мат-лы регион. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. С.Н. Замятнина. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 28–31.
50. Смольянинов Р.В., Бессуднов А.Н. Неолитические погребения на территории Верхнего Подонья // Тверской археологический сборник. Вып. 7: мат-лы 9-го–11-го заседаний методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / под ред. И.Н. Черных. Тверь: Изд-во «Триада», 2009. С. 323–326.
51. Сурков А.В. Неолитические памятники на территории Тамбовской области (к истории исследований) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 4 (120). С. 54–61.
52. Попова Т.Б. Эпоха бронзы на Тамбовщине // Советская археология. 1961. № 3. С. 137–151.
53. Пряхин А.Д. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. 160 с.
54. Смольянинов Р.В. Неолитические материалы стоянки Глинище на Верхнем Дону // Археологическое изучение Центральной России: тез. междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. В.П. Левенка (13–16 ноября 2006 г.). Липецк: РИЦ ЛГПУ, 2006. С. 131–133.
55. Левенок В.П. Отчет о полевых работах Верхне-Донского археологического отряда ЛОИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея в 1965 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3173.
56. Синюк А.Т. Отчет к открытому листу № 288 на право производства археологических работ в Тамбовской области в 1970 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4444.
57. Левенок В.П. Новые раскопки стоянки Подзорово // Краткие сообщения Института археологии. 1969. № 117. С. 84–90.
58. Фоломеев Б.А. Отчет о работе Окской археологической экспедиции Государственного исторического музея за 1988 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 12557.
59. Андреев С.И. Отчет о проведении разведочных работ по р. Воронеж в пределах Липецкого и Добровского районов Липецкой обл. и Мичуринского района Тамбовской обл. в 1999 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23213.
60. Обломский А.М. Отчет о разведках, проведенных Раннеславянской экспедицией в 2012 г. в Мичуринском районе Тамбовской обл. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 35236.
61. Куличков А.А. Отчёт о разведочных исследованиях в бассейне р. Воронеж в пределах Добровского района Липецкой обл., Мичуринского района Тамбовской обл. в 2017 г. // НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. б/н.
62. Парамонов А. Археологическая экспедиция в Мичуринском районе // Тамбовская правда. 1953. 23 августа.
63. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 96.
64. Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919–1956 гг.: Указатель. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 263 с.
65. Очерки истории СССР: в 9 т. Т. 1: Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР / под ред. П.Н. Третьякова, А.Л. Монгайта. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 615 с.
66. Афонюшкин В.А. Древний чёлн из села Щучье Воронежской области // Труды Воронежского государственного университета. Т. 52, вып. 1. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1958. С. 81–89.

67. Шоков А.Ф. Неолитические находки на Дону // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. XXVI. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1958. С. 181–187.

68. Кашина Е.А. Долблённая лодка с Дона в экспозиции Государственного исторического музея: история находки и проблема датировки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45, № 1. С. 76–82.

69. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 2.

70. ОПИ ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 101.

71. Рогачёв А.Н. Костёнки IV – поселение древнекаменного века на Дону // Материалы и исследования по археологии СССР. 1955. № 45. 164 с.

72. Формозов А.А. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II / отв. ред. А.А. Формозов, И.С. Каменецкий. М.: Богородский печатник, 1998. С. 214–228.

73. Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 29. 280 с.

74. Фосс М.Е. Неолитическая стоянка Бисерово Озеро // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1959. Вып. 75. С. 26–39.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Воронежской области в рамках научного проекта № 18–49–360007.

CENTRAL CHERNOZEMIE IN THE BIOGRAPHY AND RESEARCHES OF M.E. FOSS

© 2019

Akinshin Aleksandr Nikolayevich, candidate of historical sciences, associate professor of History of Russia Department
Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)

Bessudnov Aleksandr Nikolayevich, candidate of historical sciences, associate professor of Russian and World History Department
Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University (Lipetsk, Russian Federation)

Zakharova Elena Yurievna, doctor of historical sciences, associate professor of Archaeology and Ancient History Department
Voronezh State University (Voronezh, Russian Federation)

Abstract. The following paper deals with the research activity of Maria Evgenyevna Foss in Central Chernozemie. Considering the fact that Voronezh played a decisive role in the fate of M.E. Foss (she studied here, formed as a person, acquired the first experience of archaeological research, museum work, collected an extensive data bank on collections from the regional sites, to which subsequently repeatedly referred to herself and such famous archaeologists as T.B. Popova, O.A. Krivtsov-Grakov, V.P. Levenok, N.N. Gurina, A.D. Pryakhin, A.T. Sinyuk and others), special attention is paid to biographical information reflecting the connection of the Foss family with Voronezh. It's the first time when the results of the analysis of documents from the SAVO funds with the additions of Margarita Foss – Maria Evgenyevna's niece – are published. Without challenging the opinion that has been established in modern Neolithic studies that M.E. Foss prioritized sites and cultures of the forest zone, it is proved that her contribution to the study of the antiquities of the forest-steppe is much greater than it seems to the modern archaeological community. It was based on archival sources (from the funds of IA RAS, SA IHMC RAS, DFR SHM, Michurinsk Museum (Tambov Region)) and special literature. The results of her research of Shelaevo dunes (modern Belgorod Region), on settlements of different times in Voronezh (burial ground «Chastye kurgany», the site of Otrozhka, the site of Kostenki IV (Aleksandrovka)) and Tambov (sites of Podzorovo and Glinishche) regions have not lost their significance up to the present time.

Keywords: Voronezh State University; Voronezh branch of MAI; Eastern European forest-steppe; history of archaeology; burial ground «Chastye kurgany»; Neolithic; Foss Maria Evgenyevna; site of Otrozhka; Podzorovskaya site; site of Kostenki IV (Aleksandrovka); Glinishche site; Central Chernozemie; Shelaevo sites; Bronze age.

УДК 902/904

DOI 10.24411/2309-4370-2019-12203

Статья поступила в редакцию 18.02.2019

ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕВШИНСКОГО ЭТАПА КАМСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ И НОВОИЛЬИНСКОЙ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУР

© 2019

Андреева Ольга Викторовна, лаборант научно-исследовательской части

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Батуева Надежда Сергеевна, специалист научного отдела

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Российская Федерация)

Аннотация. В статье в рамках историко-культурного подхода к изучению гончарства проанализированы комплексы позднего (левшинского) этапа камской неолитической культуры и ранние энеолитические керамические комплексы новоильинской культуры Среднего и Верхнего Прикамья. Ранее авторами проводились подобные исследования, но без добавления в сравнительный анализ данных об орнаментации посуды. В ходе работы выделены наиболее устойчивые традиции отбора сырья: для камской культуры характерно преимущественное использование илистой глины, для изготовления новоильинской керамики в равных долях использовали глину и илистую глину. Примечательно, что для изготовления камской керамики, кроме использования сырья в естественно увлажненном состоянии, его также и дробили, в новоильинской посуде данная